

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Если бы у нас сохранились хвосты! Джером Клапка Джером

Posted By *longman* On 26.01.2012 @ 06:41 In Рассказы | [3 Comments](#)

Один мой друг жалеет, что у нас нет хвостов. Он уверяет, что нам было бы очень полезно, если бы у нас, как у собак, был хвост, который вилял бы, когда мы довольны, или вытягивался в струнку, когда мы сердимся.

— Пожалуйста, приходите к нам опять поскорее, — говорит хозяйка. — Не ждите приглашения, будете идти мимо и загляните.

Мы ловим ее на слове. Служанка, открывшая нам дверь, говорит, что она «посмотрит», дома ли хозяйка. Затем слышны торопливые шаги, голоса, хлопанье дверей. Нас вводят в гостиную, и горничная, запыхавшаяся, вероятно от своих «поисков», заявляет, что ее госпожа дома. Мы стоим на коврике у камина, вцепившись руками в шляпу и трость, которые кажутся сейчас дружелюбными и сочувствующими. Чувствуем мы себя так, точно пришли к зубному врачу.

Входит хозяйка. Лицо ее расплылось в улыбку. Кто знает, действительно ли она рада видеть нас или в эту минуту она говорит себе: «Черт его побери, угораздило же его прийти как раз в то утро, когда я собиралась вешать выстиранные занавески!»

Все же она делает вид, что в восторге от нашего прихода, и просит остаться к завтраку. Каким облегчением было бы для нас, если бы можно было перевести взгляд с ее сияющего лица на хвост, независимо высунувшийся из прореза в юбке. Виляет он или же сердито вытянулся перпендикулярно к юбке?

Однако я опасаюсь, что к настоящему времени мы успели бы обучить свои хвосты вежливому поведению. Мы научили бы их восторженно вилять в то время, как внутренне мы рычали бы от злости. Когда человек впервые сделал одежду из фиговых листьев, чтобы скрыть свое тело, он в то же время надел маску лицемерия, чтобы скрыть свои мысли.

Иногда задаешь себе вопрос: так ли уж много мы от этого выиграли? У меня есть маленький приятель, которого воспитывают на очень странных принципах. Можно по-разному судить о том, сошли или не сошли с ума его родители, но у них, несомненно, своеобразная точка зрения: они внушают мальчику, что важнее всего во всех случаях жизни говорить правду. Я с интересом наблюдаю за этим опытом. Если вы спросите мальчика, какого он о вас мнения, он ничего не скроет от вас. Некоторые предпочитают не задавать ему этого вопроса вторично. Они говорят:

— Какой ты грубиян!

— Но ведь вы сами настаивали, — объясняет ребенок. — Я же говорил, что лучше помолчу.

Это их нисколько не утешает. Однако, в результате, он стал особой с весом. Люди редко рискуют спрашивать его мнение о них, но зато, благополучно пройдя через это тяжкое испытание, ходят с задраннным носом.

...И ЕСЛИ БЫ МАЛЬЧИКИ ВСЕГДА ГОВОРИЛИ ПРАВДУ!..

Вероятно, вежливость была изобретена для утешения недостойных. Мы проливаем бальзам любезностей равно на правых и неправых. Мы уверяем каждую хозяйку дома, что провели у нее самый приятный вечер в нашей жизни. Каждый гость также призывает благословение на наши головы за то, что мы пригласили его.

Я вспоминаю, как однажды очень милая леди в одном из городков южной Германии организовала прогулку в лес на санях. Прогулка на санях — это совсем не то что пикник: те, кому хочется остаться вдвоем, не могут уйти и «заблудиться», предоставив скучным особам довольствоваться обществом друг друга. Во время такой прогулки вся компания держится вместе с раннего утра до позднего вечера. Нам предстояло проехать двадцать миль, сидя по шести человек в санях, пообедать всем вместе в уединенной гостинице, потанцевать и попеть, а затем, при лунном свете, возвратиться домой. Успех здесь зависит от того, насколько каждый член общества чувствует себя на месте и способствует всеобщей гармонии. Накануне вечером в гостинице пансиона, где все мы жили, наша предводительница производила окончательное распределение мест. Одно место оставалось свободным. Кого же пригласить?

— Томпкинса!

Два голоса одновременно назвали это имя. Трое других немедленно присоединились к их дуэту. Томпкинс, его-то нам и нужно! Это был самый веселый и приятный компаньон, какого только можно себе представить. Уж он-то позаботится, чтобы наша прогулка прошла удачно. Томпкинс только что приехал, и мы указали его нашей предводительнице. Мы все сидели вместе и слышали его добродушный смех, доносившийся с другого конца комнаты. Предводительница поднялась и направилась прямо к нему.

Увы! Она была близорука, а мы об этом не подумали. Она вернулась, торжествующе ведя за собой человека унылого вида, с которым я познакомился годом раньше. В Шварцвальде и надеялся никогда больше не встретиться. Я отвел ее в сторону.

— Делайте что хотите, — сказал я, — но не приглашайте... (я забыл его фамилию. Я почувствую себя счастливее в тот день, когда вообще забуду о его существовании. Назовем его Джонсоном.) Мы не успеем проехать и полдороги, как он превратит нашу

прогулку в похоронное шествие. Однажды я взбирался вместе с ним на горы. Он хорош лишь одним: он заставляет вас забыть, что у вас есть еще какие-нибудь неприятности.

— О каком Джонсоне вы говорите? — спросила она.

— Да вот об этом, — пояснил я, — о типе, которого вы привели с собой. Зачем вы это сделали? Неужели ваш женский инстинкт ничего вам не сказал?

— Боже мой! — воскликнула она. — Я же думала, что это Томпкинс! Я пригласила его поехать с нами, и он согласился.

Она была образцом хорошего воспитания и слышать не хотела о том, чтобы сказать Джонсону, что его по ошибке приняли за симпатичного человека, но что, к счастью, ошибка эта вовремя обнаружена.

Не успев отъехать, он поссорился с кучером саней, а потом всю дорогу обсуждал налоговый вопрос. В гостинице он откровенно высказал хозяину свое мнение о немецкой кухне и потребовал, чтобы открыли окна. Один из нашей компании — немецкий студент — запел: «Deutschland, Deutschland uber alles» [Германия, Германия превыше всего (нем.)], и это привело к тому, что Джонсон произнес горячий монолог на тему о том, какое место описание чувств должно занимать в литературе, а заодно осудил все черты тевтонского характера. Мы не танцевали. Джонсон заявил, что, конечно, это его личное мнение, но когда пожилые люди хватают друг друга за талию и вертятся точно дети, это представляет собою удручающее зрелище, хотя для молодежи такая резвость вполне естественна. Пусть уж молодые прыгают. В нашей компании было только четыре человека, которые имели еще кое-какие основания утверждать, что им еще нет тридцати, но они были так деликатны, что не стали подчеркивать свою молодость. Обратный путь Джонсон посвятил подробному анализу вопроса о том, что такое развлечение, из чего оно действительно состоит.

И все же, желая ему доброй ночи, наша предводительница поблагодарила его за компанию в таких же точно выражениях, какие услышал бы Томпкинс, который при своем неистощимом юморе и такте сумел бы сделать этот день таким, что мы все долго вспоминали бы его.

...И КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЛ БЫ ПО ЗАСЛУГАМ!..

Мы дорого платим за недостаток искренности. Мы перестали радоваться похвалам: они потеряли всякую цену. Люди крепкожимают мне руку и говорят, что им нравятся мои книги, но это только раздражает меня. Не потому, что я ставлю себя выше похвалы, — никто этого не делает, но потому, что я не уверен, правду ли говорят эти люди. Они сказали бы то же самое, если бы не прочитали ни одной строчки, написанной мною. Если я прихожу в дом и вижу мою книгу, лежащую открытой на диване под окном, моя подозрительность не дает мне испытать чувства гордости.

«Очень может быть, — говорю я себе, — что накануне моего прихода между хозяином и

хозяйкой этого дома происходил примерно такой разговор:

«Не забудь, что завтра к нам придет этот Дж...»

«Завтра! Тебе следовало бы говорить мне о таких вещах немного раньше!»

«Я тебе и говорил — еще на прошлой неделе; у тебя память портится с каждым днем».

«Никогда ты мне этого не говорил, а то я бы, конечно, помнила. А он что — важный человек?»

«Да нет, он просто пишет книги».

«Какие книги! Меня интересует, приличный ли он человек».

«Разумеется, иначе я бы не пригласил его. Таких людей теперь повсюду принимают. Между прочим, нет ли у нас дома каких-нибудь его книг?»

«Вряд ли, но я посмотрю. Если бы ты вовремя меня предупредил, я заказала бы его книжку в библиотеке».

«Ну что ж, придется мне пойти в город и купить».

«Жаль тратить деньги. Может быть, ты будешь поблизости от библиотеки?»

«Пожалуй, ему будет приятнее, если он увидит, что мы купили его книгу. Потом подарим ее кому-нибудь ко дню рождения».

С другой стороны, возможно, что происходил совсем другой разговор. Может быть, хозяйка сказала: «Ах, как я рада, что он придет! Мне так давно хотелось с ним познакомиться!»

Может быть, она купила мою книгу в первый же день ее выхода в свет и теперь читала ее во второй раз. Может быть, она совершенно случайно забыла ее на любимом диване под окном.

Сознание, что неискренность — это плащ, в который мы все кутаемся, сводит похвалы к пустым фразам.

Как-то на вечере одна дама отвела меня в сторону. Только что прибыл самый почетный гость — знаменитый писатель.

— Скажите, — спросила она, — что он написал? У меня совсем нет времени читать книги.

Я собирался ответить, когда в разговор вмешался какой-то заядлый шутник, слышавший ее вопрос.

— «В монастыре и семье» и «Адам Вид», — сообщил он ей.

По-видимому, он хорошо знал эту леди. Она была женщиной доброй, но в голове у нее была путаница. Она с улыбкой поблагодарила шутника, и позднее я слышал, как она донимала литературного льва пространными хвалами по адресу романов «В монастыре и семье» и «Адам Вид». Оба эти произведения принадлежали к числу немногих прочитанных ею книг, и ей легко было говорить о них. Впоследствии она сказала мне, что литературный лев очарователен, но...

— Знаете, — смеясь проговорила она, — он очень высокого о себе мнения. Он сказал, что относит оба эти произведения к лучшим из написанных на английском языке.

Всегда полезно обращать внимание на имя автора. Некоторые люди никогда не делают этого, особенно Посетители театров. Один известный драматург рассказывал мне, как он однажды водил друзей, приехавших из колонии, на свою пьесу. Они вместе пообедали у Кеттнера, а потом кто-то из них предложил пойти в театр, и драматургу захотелось позабавить их. Он и не заикнулся о том, что он сам — автор пьесы, а им в голову не пришло заглянуть в программу. По мере развития пьесы их лица все больше и больше вытягивались; должно быть, эта комедия была совсем не в их вкусе. Когда окончился первый акт, они вскочили на ноги.

«Хватит с нас этой чепухи!» — сказал один.

«Пойдемте лучше в Эмпайр», — предложил второй.

Драматург вышел вслед за ними из театра. Он считал, что всему виной был обед в ресторане.

Один мой молодой друг, происходивший из хорошей семьи, совершил мезальянс: женился на дочери канадского фермера, чистосердечной, обаятельной девушке, к тому же необычайно хорошенькой. В одном ее мизинце было больше характера, чем у иной девушки во всей ее особе. Я встретился с этим молодым человеком месяца через три после его возвращения в Лондон.

...И ГОСТЕЙ РАЗВЛЕКАЛИ БЫ ТОЛЬКО ТЕ, КТО УМЕЕТ ЭТО ДЕЛАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ!...

— Ну что? — спросил я его, — как дела?

— Моя жена — чудеснейшая женщина в мире, — ответил он, — но у нее есть один недостаток: она верит всему, что ей говорят.

— Это у нее скоро пройдет, — заметил я.

— Надеюсь, но пока это ужасно неудобно.

— Она в самом деле может попасть в затруднительное положение, согласился я.

— Ей не удалось получить хорошего образования, — продолжал молодой человек, которому, по-видимому, хотелось излить душу перед сочувствующим слушателем. — Она никогда не притязала на то, чтобы считаться образованной, и не ради ее образования я женился на ней, но сейчас она начинает думать, что, сама того не подозревая, оказалась очень образованной женщиной. Она играет на рояле, как школьница на концерте для родителей. Она говорила нашим знакомым, что не умеет играть настолько хорошо, чтобы ее игру стоило слушать, — во всяком случае, она пыталась объяснить им это. Но они продолжали настаивать, уверяя, что много слышали о ее игре и жаждут насладиться ею. Моя жена — само добродушие; она согласилась бы стоять на голове, если бы думала, что это может доставить кому-то удовольствие. Она решила, что гости всерьез хотят послушать ее игру, и доставила им это развлечение. Они сказали, что у нее совершенно необыкновенное туше. Это правда, конечно, если бы только она поняла истинный смысл этого комплимента. Они спрашивали, почему она не сделала музыку своей профессией. Сейчас она уже сама задает себе этот вопрос. Но гости не удовлетворяются, прослушав ее один раз, они просят еще, и получают то, чего хотят. На следующий вечер мне пришлось спокойно сидеть и слушать, как она отбарабанила одну за другой четыре пьесы, включая сонату Бетховена. О том, что это соната Бетховена, мы знали заранее: она сама сказала, что именно она будет играть. В противном случае, сколько бы мы все ни гадали, мы скорее подумали бы, что это «Битва под Прагой». Мы сидели с каменными лицами, не сводя глаз со своих ботинок. Когда она кончила играть, те, кто не мог подойти к ней и дурачить ее, окружили меня. Спрашивали, почему я никогда не говорил, что открыл такое музыкальное чудо. Когда-нибудь я потеряю самообладание и расквашу кому-нибудь нос, ей-богу, так я и сделаю. А в другой раз она выступила с художественным чтением. Я никак не мог решить, серьезное или юмористическое произведение намеревалась она читать: в ее исполнении оно было наделено всеми недостатками обоих жанров и звучало прескверно. Речь там идет главным образом об ангеле и ребенке, но в середине рассказа вдруг появляется собака, после чего уже невозможно понять, от чьего лица ведется рассказ; иногда кажется, что говорит ангел, а потом начинаешь думать, что это больше похоже на собаку. Легче всего было следить за ребенком: он все время гнусавил. Мне пришлось слушать эту декламацию не меньше пятидесяти раз. Сейчас жена с увлечением разучивает новую историю, чтобы читать ее на бис.

...И ВСЬ МИР ПОУМНЕЛ БЫ!..

— Что меня больше всего огорчает, — продолжал молодой человек, — это то, что она выставляет себя на смех. Но что я могу поделать? Если я объясню ей все, она будет глубоко несчастна и ей будет стыдно показаться на глаза людям. К тому же, ее чистосердечности, — а в ней, быть может, и заключается главное ее очарование, — будет нанесен смертельный удар. Беда в том, что сейчас дело не ограничивается музыкой и декламацией. Жена не слушается моих советов относительно своих нарядов. Она смеется и повторяет... ну, весь тот лживый вздор, который женщины говорят молодой сопернице, уродующей себя нелепым покроем платьев, особенно когда

молоденькая женщина хороша и они всей душой желают, чтобы она уродовала себя и впредь. На прошлой неделе я не мог пойти с ней в магазин, и она купила себе шляпку — настоящую рождественскую елку, только свечей не хватало. И вот дамы заставляют ее снимать эту шляпу, чтобы они могли подробнее рассмотреть ее и соорудить себе точно такие же. Моя жена в восторге и объясняет им, в чем тайна красоты ее обновки.

На вечера мы приходим за полчаса до назначенного времени, — жена боится опоздать хоть на минуту. Ее убеждают, что вечер не может начаться без нее; дескать, если ее не будет, не стоит и идти. Уходим мы всегда последними. Другие гости не имеют значения, но если уйдет она, все провалится. Ей безумно хочется спать, хозяевам мы до смерти надоели, но если я бросаю взгляд на часы, хозяева так уговаривают нас остаться, точно их сердца разрываются, и жена считает меня зверем за то, что я хочу покинуть друзей, которые так нежно любят нас.

Зачем мы все играем в эту глупую игру? Какой в этом смысл? — спросил молодой человек.

Я не мог ответить ему.

Article printed from smartfiction: <http://smartfiction.ru>

URL to article: http://smartfiction.ru/prose/if_only_we_had_not_lost_our_tails/

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.